

Слово редактора

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС И ПОРОЧНЫЙ КРУГ ПОЛИЦИИ: МОДЕЛЬ МИШЕЛЯ ФУКО

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: М. Фуко разработал модель полиции как политической технологии, которая стремилась управлять в соответствии с государственным интересом (далее ГИ). Эта модель опирается на анализ множества феноменов бытия и мышления. К ним относятся: темпорально-пространственные различия в понимании термина полиция на протяжении XV–XVIII вв.; связи полиций Италии, Германии и Франции с общим балансом Европы; генезис полиции в указанных странах для установления национальной специфики науки о полиции; генезис концепта государственной пользы как бюрократической инновации и базис утопии полицейского государства¹.

Фуко установил, что на протяжении двухсот лет (XV–XVI вв.) термин полиция понимался трояко: как сообщества под управлением власти, конкретные акты управления, положительные общие итоги управления. Однако в следующие две сотни лет (XVII–XVIII вв.) полицией стали называть совокупность средств, позволяющих контролировать отношение между социальным порядком и ростом сил государства ради обеспечения связи между величием государства и счастьем всех граждан. При таком подходе полиция квалифицировалась как пространственно-временной синтез красоты, порядка и силы, который гарантируется полицией как совокупностью «законов и правил, касающихся внутренней жизни государства и стремящихся укрепить и увеличить могущество этого государства, стремящихся достичь правильного использования его сил».

Цель статьи состоит в реферате материала двух лекций Фуко для систематизации реального многообразия аспектов главной проблемы, указанной в заглавии. На этой основе реконструируется проблемно-эвристический потенциал данного фрагмента политической теории М. Фуко.

Ключевые слова: Мишель Фуко, государственный интерес, полицейское государство, население, экономика.

¹ См.: Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. Пер. с фр. В.Ю. Быстрова, Н.В. Суслова, А.В. Шестакова. – СПб.: Наука, 2011. – С. 405–474.

Преамбула

После описания основных типов связей (отношений) между определением полиции и балансом Европы² и сравнения положения полиции в трех странах³ Фуко поставил вопрос: «чем действительно занимается полиция, если верно, что её общей целью является рост сил государства при таких условиях, чтобы сам строй этого государства не только не подвергался бы опасности, но и усиливался?» [Там же: 414]. Для ответа он анализирует утопию полицейского государства, впервые изложенную в книге Тюрке де Майерна «Аристократическая монархия» 1611 г.⁴

На основе анализа этого труда Фуко выдвигает своё оригинальное определение: полиция – это бюрократическая (административная) инновация, которая возникла после традиционных институтов правосудия, армии, финансов; полиция потребовала от граждан лояльности, скром-

² Морфологическая связь обеспечивала контакт между военно-дипломатическим балансом Европы и главной проблемой полиции: как при сохранении порядка в государстве обеспечить максимальный рост его сил? Связь обусловленности означала, что сохранить баланс Европы можно лишь тогда, когда каждое государство обеспечит рост своих сил в такой пропорции, чтобы его никогда не превосходили остальные. Если европейский баланс нарушается при недостатках полиции в одной стране, то каждая страна должна заботиться о полиции других стран. Инструментальная связь способствовала появлению статистики как общей потребности в расшифровке сил каждого государства (в состав которых входит население, армия, природные ресурсы, производство, торговля, денежное обращение). Статистика – это знание государства о самом себе и других государствах, которое возможно и необходимо благодаря полиции. В этом смысле статистика есть общий инструмент достижения европейского равновесия.

³ В Италии гражданская война была формой существования государства. Полиции как института и формы рефлексии не было по причинам территориальной раздробленности, экономической стагнации с XVII века, политико-экономического господства иностранцев, наличия Ватикана как универсалистского и в то же время локализованного учреждения, доминирующее на полуострове. Поэтому Италия была государством дипломатии, а не полиции. Требовалось установить равновесие между множеством сил. В Германии государства возникли в середине XVII века и стали микрогосударственными лабораториями. Из-за отсутствия административного аппарата его начали искать в университетах. На протяжении XVII–XVIII вв. была развита наука о полиции, которая распространилась по всей Европе. Во Франции раннее развитие территориального единства, монархической централизации и администрации стали причинами того, что проблематика полиции возникла внутри административной практики. Здесь её развивали персонажи, «которые слонялись возле администрации» – были изгнаны или стремились снова попасть в бюрократию. Полиция возникала без теории, системы, концепций, практиковалась и институционализировалась через мероприятия, распоряжения, сборники указов, критику и проекты, исходящие от действующих, отставных и потенциальных бюрократов.

⁴ Майерн определял полицию как «все то, что должно придавать украшение, форму и величие городу», «порядок во всём, что можно увидеть» в городе. На этом уровне полиция есть искусство управления в целом. Так произошло отождествление искусства управления с деятельностью полиции. Для деятельности полиции требовались правительственные службы правосудия, армии, финансов и «хранитель и главный реформатор полиции». Его роль состоит в поддержке среди народа «особой практики скромности, милосердия, лояльности, мастерства и рачительности». В результате хранитель полиции оказался на уровне канцлера, отдающего приказы для всех регионов и провинций. В каждом из них создавались бюро полиции, милосердия, торговли и недвижимости. Первое бюро отвечало за воспитание и образование детей и юношей, учило выполнению обязанностей перед королевством, благочестию, владению оружием и профессией. Когда юноша достигал возраста 25 лет, он должен был явиться в бюро полиции и сообщить, какой вид он предпочитает, будет ли богатым или нет, пожелает ли приобрести богатства или наслаждаться праздностью. Его заносили в регистр вместе с выбором профессии и образа жизни. Кто не желал записаться ни в одну рубрику, тот рассматривался «как людской сброд, как бродяги и бесчестные». Бюро милосердия занималось бедными, больными и инвалидами, здравоохранением, несчастными случаями, пожарами, наводнениями и всем, что может стать причиной обнищания, давало деньги займы мелким ремесленникам и труженикам для продолжения ремесла, чтобы они смогли укрыться от грабей ростовщиков. Бюро торговли регулировало проблемы рынка, производства и способа производства. Бюро недвижимости следило, чтобы вельможи не слишком угнетали народ, заботилось о способе и цене закупки и продажи основных благ, регистре наследств, королевских владениях, дорогах, реках, публичных зданиях, лесах.

ности и трудолюбия ради достижения синтеза нравственности и труда при любом роде занятий; полиция занялась образованием и профессиональной подготовкой индивидов⁵. Любые занятия должны связывать совершенство индивида с совершенством государства! – таково полицейское кредо.

Предметы сомнения

Фуко систематизировал множество сомнений в таком понимании полиции. Прежде всего он сравнил традиционную концепцию суверена с новой концепцией полиции. В традиционной концепции достоинство государства зависело от статуса, добродетелей и качеств людей. В новой концепции речь шла уже не о тяжбах (как при господстве юстиции) и не о деньгах (как при господстве налогов), а о полицейском контроле деятельности людей. Именно здесь, по его мнению, находится концептуальный и практический центр полицейского государства.

Полиция должна связать деятельность индивида с развитием сил государства. Поощрять, направлять и определять ее таким образом, который полезен государству. Суть современной полиции состоит в культивировании идеи государственной пользы на основе деятельности людей. Отсюда Фуко выводит и детально описывает объекты полицейского попечения (численность населения, потребности, здоровье, деятельность людей, обращение товаров)⁶.

Промежуточный вывод Фуко однозначен: главным объектом полицейского управления являются все формы сосуществования и общения людей. Поэтому уже в XVII–XVIII вв. институт и наука о полиции стали всеохватывающими: «То, что ... охватывает полиция, – пишет Фуко, – это огромная область, которая простирается от жизни до чего-то большего, чем жизнь. Иными словами, полиция должна удостоверяться, что люди живут, и живут во множестве, что у них есть на что жить и они не будут умирать в чрезмерном количестве. Но вместе с тем она должна удостовериться, что всё то, что может превысить порог простого выживания, что все это было произведено, распределено, размещено, запущено в обращение так, чтобы способствовать силе государства. Короче говоря, в этой новой экономической, социальной и антропологической системе, которая устанавливается в конце XVI – начале XVII века, которая руководствуется уже не простым императивом «жить, а не умереть», а другим: «жить и действовать немного лучше, чем просто жить», как раз и появляется полиция как совокупность техник обеспечения того, чтобы жизнь, деятельность, сосуществование, общение людей эффективно претворялись в силу государства» [Там же: 423].

⁵ Для доказательства Фуко приводит цитату из книги де Майерна: «Я предложил руководящим работникам полиции в качестве их главного предмета человека, имеющего добродетели и пороки, чтобы они с детских лет вели его, как по лестнице, к совершенству, а затем, когда он достигнет определённого совершенства, удерживали его в границах истинной политической и общественной добродетели, чем бы он ни занимался».

⁶ Средневековый тезис *Сила государства зависит от числа жителей* в XVII в. принимает форму постановки проблемы знания о том, сколько людей необходимо и какое соотношение должно быть между числом людей и протяжённостью территории, богатствами, чтобы сила государства могла расти наилучшим способом. Первый объект полиции – число и количественный рост населения по отношению к ресурсам и территории. Второй объект – жизненные потребности (продовольствие и прочие предметы первой необходимости). Отсюда вытекает необходимость контроля торговли и качества продуктов на момент продажи. Повседневное здоровье становилось объектом полиции в той мере, в какой оно было необходимым условием улучшения качества труда, но оно исключалось из предметов ведения полиции при эпидемии. Тем самым все городское пространство, включая воздух и кладбища, вошло в предмет полицейской заботы. Забота о деятельности людей состоит в предоставлении работы всем трудоспособным, помощи инвалидам, заботе о развитии ремесла, в которых нуждается государство, о создании продуктов по общему образцу. Наконец, вся сфера циркуляции и обращение товаров и продуктов, возникающих в деятельности людей, тоже стала объектом полиции.

Такова парадигма изучения полиции, которую Фуко завершает вопросом: не является ли вся деятельность полиции порочным кругом, который, «...начинаясь с государства как силы рационального и расчётливого вмешательства в дела индивидов, возвращается к государству как к совокупности возрастающих или призванных расти сил?» [Там же]. На этот вопрос мыслитель даёт два ответа.

Первый из них состоит в обосновании постулата *Порочный круг полиции возникает в результате её стремления связать силу государства с благополучием и счастьем индивидов* и указании на дисциплину как главное средство преобразования всей жизни индивидов в пользу государства⁷. Фуко подчёркивает, что термин «дисциплина» уже в начале XVII века переплёлся с определенным пониманием благоденствия людей⁸. Короче говоря, целью полиции является всё, что простирается от бытия до благоденствия индивидов, поскольку оно может способствовать силе государства.

Второй ответ Фуко связан с отрицанием универсальности ГИ и обобщением столетней критики полиции. Документальной основой его аргументов против квалификации полиции как средства воплощения ГИ служит трёхтомное собрание приказов о практике полиции в Германии и Франции, которое переиздавалось на протяжении XVIII в. В этом компендиуме описано множество сфер деятельности полиции: религия, нравственность, здоровье и питание, публичное спокойствие, забота о зданиях, площадях и дорогах, науки и свободные искусства, торговля, фабрики и ремесла, слуги и подённые рабочие, театр и игры, дисциплина для бедняков. Все эти сферы подвергались полицейской регламентации. Отсюда Фуко выводит определение полиции как института рынка.

Под таким углом зрения мыслитель сформировал оригинальный проблемно-эвристический потенциал анализа современной полиции и связанной с ней концепции ГИ. Систематизируем его основные аспекты.

Проблемно-эвристический потенциал

Социально-историческими предпосылками полиции являются городские регламенты средних веков и маршалский суд⁹, генезис которых вписан в социальную историю войн, городов, дорог и рынков. Власть стремилась превратить в город всю территорию страны и управлять ею по аналогии с управлением городом. Поэтому полиция в XVII–XVIII вв. осмысливалась в терминах урбанизации территории. Так произошло отождествление города с полицейским надзором.

⁷ Порочный круг полиции проходит через жизнь индивидов, которая теперь образует ценность для государства. По сути, жизнь людей и раньше была присвоена. Суверен был тем более могущественным, чем больше у него было подданных. Но теперь круг проходит не только через жизнь индивидов, а ещё и через удобство, радость, благополучие. Этот круг есть причиной того, что полиция должна суметь сомкнуть друг с другом силу государства и благополучие индивидов. Жизнь и счастье индивидов должны быть у них изъяты у них и преобразованы в пользу и силу государства. Именно поэтому теоретики полиции утверждали: единственная цель полиции «состоит в том, чтобы привести человека к более совершенному блаженству, которым он мог бы наслаждаться в этой жизни». Укреплять и увеличивать могущество государства, находить верное применение силам государства, даровать счастье подданным — именно в этом сочетании заключается специфика полиции.

⁸ Фуко цитирует Монкретьена: «В сущности, природа может нам дать лишь бытие, но благоденствие мы получаем из дисциплины и искусств». Стало быть, дисциплина должна быть одинаковой для всех. Ради блага государства все живут хорошо и счастливо, и искусства, которые после грехопадения были необходимы, чтобы дать нам «необходимое, полезное, благопристойное и радостное».

⁹ Первая из них регулировала совместную жизнь людей, производство и продажу товаров. Вторая обеспечивала исполнение регламентов вооружённой силой. После окончания войн армии распускались, бывшие солдаты становились бродягами и носителями беспорядков. Стало быть, сферы социального беспорядка и беззакония есть следствие деятельности самой власти, а не стихийных социальных процессов.

Функционирование полиции переплелось также с теорией и практикой меркантилизма, который базируется на постулате: каждая страна должна стремиться увеличить население, которое будет полностью занято трудом при минимальной зарплате и себестоимости производимых товаров; это увеличит рост экспорта товаров и импорт золота, которое пополнит государственную казну; что позволит создать военную силу, необходимую для роста роли государства в европейском равновесии и стимулирования производства.

Указанная стратегия торговли объясняет причину переплетения полиции с торговой конкуренцией внутри Европы в тот момент, когда ГИ одновременно поставил две цели: достичь европейского равновесия при помощи военно-дипломатического устройства и обеспечить рост каждой державы путём торговли.

Фуко ссылается на классическое представление о том, что рост рыночной экономики с XVI века ввёл человеческое существование в мир абстрактных представлений товара и новой стоимости. По его мнению, в XVII веке ещё больше проявилось введение принципа ГИ в политику конкуренции. Это подтолкнуло поиск технологии роста государственных сил за счёт полиции, которая стремилась организовать отношения между населением, производством товаров и появлением города-рынка. Совместное проживание породило два следствия ГИ:

Город-рынок стал моделью государственного вмешательства в жизнь людей, которое связано с рождением полиции. Возникла круговая связь между ГИ и городскими привилегиями, полицией и приоритетом товара. Именно эта связь впервые в истории западных обществ стала доступной государственному вмешательству. Материя человеческого существования и сосуществования, обмена и обращения была впервые принята в расчёт в процессе осмысления проблем города (здоровье, улицы, рынки, зерно, дороги). Торговля осмысливалась как главное средство роста сил государства и привилегированный объект полиции.

Однако методы вмешательства ГИ в новые области с помощью полиции остались традиционными. На основе множества исторических источников Фуко показывает, что все юристы и парламентарии высказывали недоверие к полиции. Она не была средством в руках суда, но оставалась абсолютной властью, прямо воздействующей на подданных. Поэтому Фуко определяет полицию как непрерывный и постоянный государственный переворот¹⁰. Он осуществляется с помощью регламентации, в рамках которой функционируют правила, распоряжения, запреты и приказ: «Мы находимся в мире бесконечной и постоянно возобновляемой регламентации, регламентации все более и более детальной, но все ещё остающейся регламентацией, мы находимся в рамках той разновидности регламентации, которая, несмотря ни на что, сохраняет юридическую форму, пусть и не судебную форму, но такую форму закона, по крайней мере закона в его мобильном функционировании, постоянном и детальном, которое и есть регламентация» [Там же: 440].

Поэтому Фуко предлагает рассматривать возникновение полиции как реализацию большой дисциплинарной мечты: превратить город в подобие монастыря, а монастырь – в подобие города. Иначе говоря, полиция воспроизводит архаику пастырской и поводырской власти, культивируемую христианством.

Фуко строит свой вариант критики полицейского государства на базе констатации исторических фактов: уже при первой попытке воплощения в жизнь концепта ГИ в начале

¹⁰ В качестве показательного случая Фуко приводит ссылку на «Наказ» Екатерины II, которая под влиянием французских философов во второй половине XVIII века собиралась создать в России полицейский кодекс: «Уставы [полиции] суть совсем другого рода от прочих гражданских законов. [...] Вещи, ко благочинию принадлежащие, суть такие, кои всякий час случится могут, и в коих дело обыкновенно идёт о малом чём: и так не надлежит тут быть пространным судебным обрядам. Полиция беспрестанно занята подробностями или мелочами», должна действовать быстро и незамедлительно.

XVII в. возник голод и вытекающая из него угроза распада полицейского государства. Но после 150-летнего укоренения полиции во все странах Европы (в первой половине XVIII века) опять возникла угроза голода. В обоих случаях речь шла о решении проблемы обращения зерна. Для иллюстрации он рассматривает и опровергает главные тезисы меркантилистской литературы и политики¹¹.

Философское опровержение суммирует аргументы, высказанные экономистами, пробившими первые бреши в теории и практике полицейского государства. Они поставили на первое место не город, обращение и продажу, а землю и производство как наиболее важные объекты управления. Полицейская регламентация базировалась на посылке: вещи бесконечно гибки; поэтому воля суверена (которую Фуко называет «внутренней рациональностью ГИ») может получить то, чего она желает. На деле вещи непокорны¹². Поэтому регламентация вредна и бесполезна. Необходимо заменить полицейскую регламентацию регулированием на основе самого хода вещей. Население не является бесконечно изменяемой данностью¹³. Счастье всех и каждого индивида не зависит от властного вмешательства государства, регламентирующего пространство, территорию и население. Государство не является принципом блага каждого¹⁴.

Фуко набрасывает эскиз новой формы правительности, противоположной ГИ полицейского государства. Прежде всего он устанавливает параллель между политиками и экономистами. В начале XVII века политики воспринимались как секта и ересь¹⁵. Столетие спустя

¹¹ Эта полицейская мудрость включает следующие положения: чтобы добиться избытка зерна, надо установить предельно низкую цену, что повлечёт за собой минимальную зарплату и себестоимость товаров, которые можно будет продавать за границей и импортировать как можно больше золота, что поможет добиться роста населения. Поэтому всеобщее счастье есть результат полицейской регламентации

¹² Существует не только определённый ход вещей, который нельзя изменить, но когда его пытаются изменить, все как раз и ухудшается. Если мы хотим помешать, чтобы зерно, которого не хватает, было дорогим, посредством регламентаций, которые фиксируют цену, то люди не захотят продавать своё зерно, и чем больше мы будем пытаться снизить курс, тем сильнее будет дефицит, тем больше курс будет стремиться к росту. Значит, вещи непокорны, они оборачиваются против тех, кто желает их изменить.

¹³ В первую очередь потому, что само по себе количество для экономистов не является ценностью. Конечно, требуется достаточное количество населения, чтобы много производить, и главным образом сельского населения. Но его не требуется слишком много как раз потому, чтобы зарплата не была слишком низкой, то есть чтобы люди были заинтересованы трудиться и чтобы они могли посредством потребления поддерживать цены. Следовательно, население есть относительная, а не абсолютная ценность. Есть оптимальное количество людей, которое желательно на данной территории, и это желательное число меняется в зависимости от ресурсов, труда, потребления, необходимого и достаточного для того, чтобы поддерживать цены и экономику. Во-вторых, это количество нельзя установить властным повелением. Нельзя следовать за утопистами XVI века, которые говорили: чтобы создать счастливые города, требуется определённое количество людей. Фактически число людей регулируется само в зависимости от ресурсов, которые будут предоставлены в их распоряжение. Перемещение (регулирование) населения в любом случае определяется ситуацией в данном пункте. Оно ни в коем случае не должно быть следствием полицейского вмешательства.

¹⁴ Речь не идёт о том, как это было в случае с полицией, чтобы сделать так, чтобы лучшая жизнь каждого использовалась государством и затем претворялась в счастье или благоденствие целого. Теперь речь о том, чтобы сделать так, чтобы государство вмешивалось лишь для того, чтобы позволять регулировать лучшую жизнь каждого, интерес каждого так, чтобы он действительно мог служить всем. Государство как регулятор интересов, а не как одновременно и трансцендентный, и синтетический принцип счастья каждого, преобразуемого в счастье всех: это, как я полагаю, главная перемена, которая ставит перед одной вещью, оказывающейся для истории XVIII–XX века, наиболее важным элементом: какими должны быть действия государства, какова должна быть роль государства, функция государства по отношению к динамике, которая сама по себе является фундаментальной и естественной, – к динамике частных интересов?

¹⁵ Политики определяли новое искусство управления в терминах соответствия мировому порядку, мировой мудрости, той разновидности великой космической теологии, которая служила рамками искусству управления в Средние века, а также в XVI веке. Политики говорили: оставим в стороне проблемы мира и природы, постараемся найти, какой интерес внутренне присущ искусству управления, определим горизонт, который мог бы поз-

появилась секта экономистов – еретиков не по отношению к суверенитету, а по отношению к ГИ полицейского государства, которое экономисты первыми подвергли критике¹⁶. Они изобрели новое искусство управления в границах экономического интереса, который сообщает государству новое содержание и формы рациональности. Управленчество политиков дало полицию. Управленчество экономистов дало современный тип управленчества.

Новое понимание ГИ транслировало цель роста сил государства в пределах баланса Европы и внутреннего равновесия в форме строя. Однако произошёл ряд важных видоизменений, зафиксированных Фуко.

Модификации

В Средние века и период Ренессанса управление государством составляло часть угодного Богу мироустройства. Правильное управление включалось в великие космо-теологические рамки. По отношению нему ГИ вводил разрыв в виде полицейского (неестественного искусственного) государства, с соответствующим ему ГИ. Мышление экономистов сообщило новую естественность механизмам ценообразования. Эта естественность не относится к естественности космоса, характерной для ГИ в Средние века. Указанная естественность была социальной, но противостояла искусственности политики, ГИ, полиции¹⁷.

Фуко подчёркивает, что общество как естественность совместного существования людей было обнаружена экономистами как особая сфера объектов, анализа, знаний и вмешательства. Как специфическое поле естественности возникло понятие гражданского общества (далее ГО) в отличие от государства. ГО невозможно мыслить как простой продукт и результат государства, но и не аналогично естественному существованию людей. ГО связано с новыми формами управленчества. Государство должно заниматься, заботиться, знать и регулировать не первоначальные регуляции природы и не бесконечный ряд подданных, подчинённых правителю. Государство отвечает за ГИ, и должно обеспечить управление ГО. Так произошло первое фундаментальное изменение по отношению к ГИ и рациональности полиции, которая имела дело лишь с собранием подданных.

Фуко описал эвристические последствия идеи социальной естественности. Меркантилисты не выдвигали требование научной рациональности. Экономисты XVIII века считали, что естественные феномены могут быть познаны только методами научного познания. Они сформулировали правило очевидности в отношении экономических процессов и отвергли военно-дипломатические расчёты, характерные для ГИ XVII в. Экономическое знание яв-

воить точно установить, какими должны быть рациональные принципы и формы расчёта, специфичные для искусства управления. И выделив таким образом область государства в великом космологическом мире средневекового и ренессансного мышления, они и дали определение новой рациональности. Основополагающая ересь, ересь политиков.

¹⁶ Конечно, и юристами владели озлобление, досада, хотя и меньше, чем в XVII веке, когда, оказавшись перед лицом полицейского государства и того, что оно предполагает относительно прямых условий действия королевской власти и её администрации, они вели себя до некоторой степени сдержанно, иногда критично по отношению к зарождению этого полицейского государства; но это всегда было связано с определённой традиционной концепцией права и привилегий, которые признавались этим правом за индивидами. Речь не шла для них о чём-то ином, кроме ограничения королевской власти, на их глазах становившейся всё более непомерной. У юристов, даже у тех, кто критиковал полицейское государство, никогда не было попытки или стремления дать определение новому искусству управления. Те же, кто вёл критику полицейского государства в зависимости от возможности, способности, и в связи с зарождением нового искусства управления, были экономистами.

¹⁷ Это не процессы природы, понимаемой как мировая природа, это специфическая естественность в отношениях людей между собой, в том, что спонтанно происходит, когда они живут совместно, образуют единое целое, обмениваются, трудятся, производят. Эта естественность, которая ещё не имела существования до сих пор и которая начинает осмысливаться и анализироваться как естественность.

ляется научным и абсолютно необходимо для правильного управления. Если государственное управление не принимает в расчёт результаты научного анализа, оно обречено на неудачу. Особенно важно, что научное знание не присуще правительству и искусству управления. Это уже не расчёт типа ГИ, который возникает внутри управленческой практики. Это наука, которая возглавляет искусство управления, является для него внешней и которую можно обосновать, установить, развивать, доказывать от начала и до конца, даже если не заниматься и не практиковать искусство государственного управления. Возникает совершенно особое отношение знания и власти, управления и науки. Такое искусство управления является одновременно знанием, властью, наукой и решением. В обоих случаях возникают два полюса: научность, которая всё больше и больше заявляет о своей теоретической чистоте, которая воплощается в экономической теории; требование к правительству принимать решения на основе результатов научного анализа.

Фуко иллюстрирует это изменение на примере проблем населения. Раньше население рассматривалось через призму численности, труда, покорности. Теперь появляется население как специфический экономический феномен, связанный с зарплатой, трудом и ценообразованием¹⁸. Возникает закон механики интересов, характеризующий население. Население возникает как реальность иной плотности, густоты, естественности, чем ряд подданных, которые были подчинены правителю и вмешательству полиции. Но если население действительно наделено естественностью, плотностью и внутренними механизмами регулирования, то необходимо, чтобы государство заботилось не только об индивидах, подверженных регламентации, но и о новой реальности. Забота о населении в его естественности, и развитие определённого числа практик и типов вмешательства, развивается во второй половине XVIII века. Речь идёт социальной медицине, общественной гигиене, проблемах демографии. Все это вызывает появление новой функции государства – заботы о населении в его естественности. Население как собрание подданных сменяется населением как совокупностью естественных феноменов.

Наконец, Фуко констатирует: если поведение населения подчиняется естественным процессам, то не существует никакого основания навязывать им регламентирующие системы приказаний, требований, запретов. Роль государства должна базироваться на соблюдении, учёте и взаимодействии с естественными процессами. Вмешательство ГИ в экономику и социальную жизнь надо ограничить! – таков главный итог анализа Фуко. Но внутри этого ограниченного поля, по его мнению, возникает область возможных и необходимых вмешательств, которые не будут обязательными, повсеместными и регламентирующими. Управление государством не должно препятствовать естественному ходу вещей. Необходимо руководить естественными феноменами таким способом, чтобы произвольное и слепое вмешательство не заставило их отклониться. Необходимо внедрить такие механизмы безопасности, которые обеспечат безопасность экономических и демографических процессов – именно это становится основополагающей целью правительности.

¹⁸ Теперь концепт населения включал два смысла: 1) Население имеет свои собственные законы преобразования, перемещения, подчинения естественным процессам, как и богатство. Богатство перемещается, изменяется, увеличивается, уменьшается. Благодаря естественным процессам, население меняется, растёт, уменьшается, перемещается. Следовательно, существует естественность, внутренне присущая населению. 2) Население порождает между каждым индивидом и всеми остальными ряд взаимодействий, замкнутых следствий, последствий распространения, которые служат причиной того, что между одним индивидом и всеми остальными имеется связь, которая не устанавливается по желанию государства, но является спонтанной.

Выводы

Фуколдианский анализ полиции как разновидности ГИ сводятся к нескольким принципиальным положениям: формулировке предписания свободы как права индивидов законно противостоять власти, узурпации, злоупотреблениям правителя и правительства; в состав такой свободы входит также свобода как ГИ; управлять в соответствии с ГИ можно лишь при условии действительного соблюдения свободы; несоблюдение свободы означает осуществление злоупотреблений по отношению к закону и неспособность управлять. Интеграция свобод и границ, свойственных свободе внутри области ГИ – таков современный императив.

Реализацию этого императива Фуко видит в распаде этой «великой сверхрегламентирующей полиции». По его мнению, надо снова поставить под вопрос регламентацию территории и подданных. В XVII веке возникла двойственная система: ряд механизмов, которые зависят от экономики, управления населением и которые будут иметь функцию содействия росту сил государства; аппарат или количество инструментов, которые обеспечивают, чтобы беспорядки, нарушения, беззакония, преступления встречали на своём пути препятствия или чтобы их устраняли. Цель полиции в классическом смысле термина XVII–XVIII вв. состояла в обеспечении роста могущества государства и соблюдении общего порядка. Но этот унитарный проект распадается или воплощается в настоящее время в различных институтах или механизмах. С одной стороны, возникли механизмы стимулирования и регулирования феноменов экономики и управления населением. С другой стороны, институт полиции в современном смысле термина есть средство препятствия и устранения беспорядков. Но внезапно понятие полиции приняло совершенно негативный смысл.

В XVII веке полагали, что новое управленчество сможет полностью воплотиться в полицейском государстве. В XVIII веке оказалось, что оно должно обращаться к экономике как области естественности, управлять населением, организовать юридическую систему соблюдения свобод, создать для себя инструмент прямого, но негативного вмешательства в виде полиции. В итоге прежний проект полиции, который возник в связи с ГИ, распался на четыре элемента: экономическую практику, управление населением, право и соблюдение свобод, полицию. Они добавились к военно-дипломатическому устройству, почти не изменившемуся в XVIII веке.

Таким образом, в настоящее время существуют экономика, управление населением, право вместе с судебным аппаратом, соблюдение свобод, полицейский аппарат, дипломатический аппарат, военный аппарат. На этой основе Фуко заключает: можно создать генеалогию современного государства и его аппаратов, не обращаясь к такой онтологии государства, которое утверждает самого себя и растёт подобно чудовищу или автоматической машине. Генеалогия современного государства и его различных аппаратов восходит к истории ГИ.

Применение всего круга перечисленных идей к истории и современному состоянию ГИ России требует особого исследования и обсуждения. Приглашаю читателей журнала высказаться на эту тему.

Фуко М. 2011. *Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году* / М. Фуко: Пер. с фр. В.Ю. Быстрова, Н.В. Сулова, А.В. Шестакова. – СПб.: Наука.